
ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЛЕОНИДОВИЧА РУБИНШТЕЙНА

Ретроспектива и перспектива принципа субъекта в исследованиях мышления школой С.Л. Рубинштейна

© 2021 г.   К.А. Абульханова

*Институт психологии Российской академии наук,
Москва, 129366, ул. Ярославская, д. 13, к. 1.*

Поступила 03.09.2020

В статье сопоставлены две линии развития теории С.Л. Рубинштейна. Первая из них связана с деятельностью ученика и постоянного сотрудника Рубинштейна, после его смерти директора Психологического института РАН А.В. Брушлинского, вторая – с деятельностью последней студентки С.Л. Рубинштейна Д.Б. Богоявленской. Если Брушлинский вводит понятие *немгновенного инсайта*, которым помечает инсайт, подготовленный предшествующим процессом мышления, то Богоявленская обосновывает *мгновенность инсайта*, описывая «вертикальную» структуру процесса мышления и соответствующий ей язык; Брушлинский вводит термин «искомое» для обозначения цели поиска решения поставленной задачи – Богоявленская идет дальше и выявляет способность субъекта к развитию деятельности по его инициативе после нахождения такого решения; Брушлинский развивает *субъектно-деятельностный подход* к анализу мышления – Богоявленская реализует рубинштейновский принцип *творческой самодеятельности*, развивая философско-психологическую теорию учителя и ее методологическое богатство.

Ключевые слова: субъект, процесс мышления, инсайт, речь, воображение, кодирование, моделирование, инициатива, познание, визуальное, развитие, искомое, стимул-реакция.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-75-81

Цитирование: Абульханова К.А. Ретроспектива и перспектива принципа субъекта в исследованиях мышления школой С.Л. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 75–81.

Retrospective and Prospective of the Subject's Principle in the Research of Thinking in the Rubinstein's School

© 2021 Ksenia A. Abulkhanova

*Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences,
13, c. 1, Yaroslavskaia str., Moscow, 129366, Russian Federation.*

Received 03.09.2020

The article compares two lines of development of S.L. Rubinstein's theory. The first of them is associated with the activities of Rubinstein's student and permanent employee, after his death, the director of the Psychological Institute of the Russian Academy of Sciences, A.V. Brushlinsky, the second-with the activities of the last student of S.L. Rubinstein, D.B. Bogoyavlenskaya. If Brushlinsky introduces the concept of *non-instantaneous insight*, which marks the insight prepared by the previous thinking process, then Bogoyavlenskaya justifies the *instantaneity of insight*, describing the "vertical" structure of the thinking process and the corresponding language; Brushlinsky introduces the term "sought" to denote the goal of finding a solution to the problem-Bogoyavlenskaya goes further and reveals the ability of the subject to develop activities on his initiative after finding such a solution; Brushlinsky develops the *subject-activity approach* – Bogoyavlenskaya implements the principle of Rubinstein's *creative autoactivity* [1922], developing the philosophical and psychological theory of the teacher and its methodological richness.

Keywords: subject, thinking process, insight, speech, imagination, coding, modelling, initiative, cognition, visual, development, required, stimulus-reaction.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-75-81

Citation: Abulkhanova, Ksenia A. (2021) "Retrospective and Prospective of the Subject's Principle in the Research of Thinking in the Rubinstein's School", *Voprosy filosofii*, Vol. 9 (2021), pp. 75–81.

130 лет, прошедших со дня рождения выдающегося отечественного философа и психолога Сергея Леонидовича Рубинштейна, свидетельствуют о том, что еще не исчерпан потенциал и его философско-психологической концепции мышления, и его исследовательской методологии.

Теории и идеи Сергея Леонидовича, а также сам способ психологического исследования, вскрывающий механизм мышления и творчества, были переданы им, что называется, «из рук в руки», его ученикам старшего и младшего поколения. Главной ценностью, возвращенной в его школе, была способность мыслить – способность видеть, понимать и стремиться разрешать жизненные противоречия и проблемы, – ценность, которая продолжает транслироваться его учениками, психологами-профессионалами.

Когорта учеников С.Л. Рубинштейна, посвятивших жизнь исследованиям *мышления*, реализовала в своем подходе присущую самому учителю, как тонко заметил единомышленник рубинштейновской школы В.Т. Кудрявцев, способность быть еще и философом при исследовании теоретических (и, добавим, экспериментальных) проблем психологии, способность по-новому взглянуть на, казалось бы, очевидное и знакомое, сделав это предметом своей мысли [Кудрявцев 2020, 67].

Группа во главе с Андреем Владимировичем Брушлинским продолжила линию исследования мышления. Сам А.В. Брушлинский разработал континуально-генетическую концепцию психического, положенную в основу определения предмета психологии

в контексте субъектно-деятельностного подхода. Расширение проблемного пространства исследований мышления, реализовалось за счет выхода на практику (Ю.К. Корнилов), в том числе чрезвычайно актуальную стратегию психотерапии (В.В. Селиванов) и интеллектуального общения.

Еще во времена своей работы с ленинградским коллективом психологов, плоды которой составили корпус «Основ общей психологии», Сергей Леонидович придавал огромное значение такой *организации эксперимента*, при которой исследованию мышления, речи, памяти и других способностей личности были обеспечены прочный фундамент и доказательная база. Так, он настаивал на том, что экспериментатор должен *заранее выбрать* для испытуемого *такую деятельность*, которая была бы не только релевантна уровню его развития, но вызывала бы интерес, потребность ее осуществления, мотивацию, инициативу, и потому вела к дальнейшему развитию.

Это отношение к организации эксперимента особенно важно на фоне нарастающей тенденции использования отечественными психологами готовых (якобы надежных) зарубежных методик, постепенно вытесняющих заботу экспериментатора о соответствии характера эксперимента интересам, потребностям субъекта. Доказательная сила эксперимента при этом связывается с цифровыми методами обработки данных, которые, будучи оторваны от *содержания* происходящего в процессе самого эксперимента, на деле оказываются барьером для интерпретации результатов. В таком случае нуждающаяся в подтверждении гипотеза выглядит доказанной, хотя, по сути, остается *априорной*, в лучшем случае исходящей из предшествовавших теоретических посылок и опыта экспериментатора. Исследования школы С.Л. Рубинштейна, опиравшейся на методологические принципы самодетерминации, выявления условий и характера процесса мышления в самом ходе его осуществления субъектом, всегда были далеки от подобной тенденции.

Оба ученика Сергея Леонидовича, Андрей Владимирович Брушлинский и Диана Борисовна Богоявленская¹, будучи разобщены институционально, параллельно и независимо друг от друга реализовали рубинштейновский подход и стратегию организации эксперимента, дававшие возможность экспериментатору «заглянуть» в процесс мышления в момент его осуществления субъектом.

Прежде всего это обеспечивалось *подбором экспериментальных задач*, нацеленных на изначальную «маскировку существенных условий» [Рубинштейн 1957, 89] и актуализирующих интеллектуальную мотивацию испытуемого преодолеть «сбивающие с толку обстоятельства». Известно, сколь разнообразными и нетривиальными были задачи, использованные А.В. Брушлинским из разных областей знания, чтобы затем при их сравнении выявить инварианты интеллектуального процесса. Д.Б. Богоявленская обратилась к области задач-головоломок в связи с поставленной Рубинштейном целью *раскрыть механизм инсайта*. Интересно, что ту же задачу решала и ученица Д.Н. Узнадзе Н.Л. Элиава, составлявшая задачи для экспериментов на материале фантастической литературы: она обсуждала эту проблему с группой коллег из школы Сергея Леонидовича Е.А. Будиловой, Л.И. Анцыферовой, К.А. Славской, показывая принцип разрушения стереотипной установки нетривиальной задачей, мотивирующей порождение новых, собственных, установок – гипотез самого субъекта.

В упомянутых вариантах подбора экспериментальных задач присутствовала одна цель, достигаемая разными способами, – вызвать и выявить инициативу личности, поставив ее «перед самой собой» в ситуации экзамена на собственную креативность. Это было альтернативой неведению экспериментатора о характере мотивации испытуемого: решает ли он предложенную задачу как скучное необходимое «мероприятие» или же проявляет интерес при ее решении. Так, А.В. Брушлинский, опираясь на формулу С.Л. Рубинштейна мышления как *анализа через синтез*, предложил для обозначения феномена, возникающего в процессе соотнесения испытуемым условий и требований задачи, новое психологическое понятие – *«искомое»*, указывающее среди прочего на поисковую мотивацию, «драйв», актуализированный сопоставлением условий и требований задачи и обнаружением их нестыковки².

В исследованиях школы С.Л. Рубинштейна, а также проходивших параллельно исследованиях под руководством А.Н. Леонтьева использовалось несколько стратегических экспериментальных приемов, нацеленных на максимальную степень выявления внутренних закономерностей процесса мышления. Это было применение «подсказки», по-разному используемой в разных школах (Я.А. Пономарев, Ю.Б. Гиппенрейтер, К.А. Славская), исследование способа «переноса» дополнительной задачи на основную (тот же принцип «подсказки» сходной задачи для основной), а также важный принцип повтора другим экспериментатором эксперимента своего предшественника (Ю.Б. Гиппенрейтер повторила работу Я.А. Пономарева, Л.В. Темнова – диссертант А.В. Брушлинского – повторила исследование К.А. Славской). Все эти приемы были нацелены на расширение интеллектуального пространства основной решаемой задачи.

Предметом исследования школы была идущая от К. Дункера проблема «инсайта» как внезапной догадки, озарения, феномена «Ага!» в мышлении. А.В. Брушлинский показал, что феномен внезапности подготовлен ходом и характером предыдущего (предшествующего догадке) процесса мышления, обозначив его новым понятием «немгновенного» инсайта. Д.Б. Богоявленская ставила одновременно и другую цель – «увидеть не только движение анализа, ведущее к инсайту, но и... природу этого движения, его языки» [Богоявленская 2020, 56], воссоздать внутренний ход мыслительного процесса, его речевую объективацию, выполняющую разные функции [там же]. Для достижения этой цели она использовала операциональные возможности нескольких методологических принципов С.Л. Рубинштейна: принципа *детерминизма*, принципа *многостороннего изучения системы* (явления, события и т.д.), выявляющего всё новые качества при рассмотрении тех или иных ее граней, принцип *имплицитности* содержания, которое заключено в «...особых схемах, которые как бы превосходят словесно еще не развернутую систему мыслей», то есть ее наличное, эксплицитное выражение [Рубинштейн 1946, 348–352], – а также используемый С.Л. Рубинштейном образ *достижения личностью вершин* (см. его некролог Г.Г. Ланге), которым он выразил не только творческую способность личности, но и *восходящую, вертикальную* траекторию мышления.

Д.Б. Богоявленской удалось, во-первых, опираясь еще на исследования связи мышления и речи школой С.Л. Рубинштейна ленинградского периода, выявить осуществлявшиеся субъектом в процессе мышления способы переформулирования задачи, а также способы их кодирования. Во-вторых, она выявила в качестве первого этапа овладения условиями задачи соотносительно с ее требованиями *образное* представление как «основы сопоставления данных» (по С.Л. Рубинштейну), которое усматривается нелингвистическим (не речевым) способом. В-третьих, такой репрезентацией одновременно осуществляется абстрагирование от irrelevantных сторон объектов и достигается однородность условий, позволяющая, в свою очередь, сопоставлять их. Установление однородности условий имеет следствием возможность абстрагирования от их качественного содержания и возможность перевода их в *знаковые* представления. *Язык знаков*, позволяющий построить *модель* проблемной ситуации («замыкание» в терминах гештальтпсихологии), является и *отображающей*, и *порождающей* структурой, с которой «считывается» принцип решения. Мгновенность догадки, таким образом, определяется порождающей функцией *визуальной* структуры, образного кода, который на первом этапе является предметным, на втором – знаковым, на третьем – знаково-символическим, с помощью которого осуществляется схематическое построение отношений проблемной ситуации, выступающее как ее субъективная мысленная модель, «мысленное видение» задачи [там же, 60]. Эвристическим выводом является: достижение возможности разорвать сложный процесс порождения мысли на взаимодействующие компоненты; отчетливо развести сам процесс и его продукты; показать включение каждого продукта в последующие звенья процесса и выявить центральное звено – построение модели проблемной ситуации, осуществляемое благодаря смене языков (вербального, образно-визуального, воображения).

Результаты, полученные Д.Б. Богоявленской, дали выход в новую плоскость исследования мышления, дополняющую концепцию А.В. Брушлинского, мышления как

процесса горизонтальных связей, и указали на *предпосылки* собственно творческого мышления (я говорю «предпосылки», поскольку решение предложенной задачи, даже при возникающей в процессе мышления мотивации, не является мышлением, инициированным субъектом, продуцирующим нечто новое). На правах едва ли не единственной из живых учеников С.Л. Рубинштейна могу с уверенностью сказать: сделанные психологами школы Рубинштейна выводы не только подтверждают предложенную Сергеем Леонидовичем парадигму субъекта, но и успешно развивают его концепцию мышления – уходят ученые, но не умирают их труды и идеи.

За годы, прошедшие с кончины Сергея Леонидовича, психологическая наука в разработке своих методологических и теоретических проблем опиралась на его прижизненно опубликованные труды, а также обращалась к его монографии «Человек и мир» – своего рода итога многолетней научной деятельности, в котором осуществлен переход от *психологических исследований мышления* к вытекающим из них *философско-методологическим позициям* [Рубинштейн 1997]. Приведу фрагмент этого текста, содержащий невероятно емкий пример мышления самого Сергея Леонидовича:

Критика понятия ситуация у *«гештальтистов и экзистенциалистов»* должна идти по линии различения в ситуации условий и требований и личности, соотносящей эти условия и требования. Для экзистенциалистов (как и для гештальтистов) ситуация – целостная, нерасчлененная совокупность обстоятельств. Личность, действующая в ситуации, никак не выделяется из нее. Ситуация, включающая личность, рассматривается экзистенциалистами как единая система взаимосвязанных переменных, а всякое изменение в ней как саморазвитие всей ситуации. Однако жизнь человека может быть объяснена *по той же схеме* (курсив мой. – К.А.), какой мы пользовались при анализе его мышления. Определяющим для хода мышления и поведения является соотношение условий и требований (условий в собственном смысле слова, в отличие от различных обстоятельств). *Проблемность* любой ситуации заключается во включении в ситуацию чего-то, что дано *имплицитно*, не будучи дано *эксплицитно* (это и есть бесконечный выход за ее пределы), включение в бесконечность бытия, в бесконечную систему взаимосвязей и взаимодействий. Иными словами, ситуация всегда содержит что-то данное, но в ней есть всегда как бы пустые, незаполненные места (Leerstellungen), через которые «проглядывает» нечто, выходящее за ее пределы и связывающее ее со всем существующим.

Непрерывное членение (анализ) ситуации, выделение в ней того, что *существенно* в соотношении с требованием задачи, целями и т.д., и ее изменение действиями человека – неизбежно есть выход за ее пределы (она сама всегда содержит имплицитное, никак не данное ей эксплицитно, а только заданное). <...> Методика выявления внутренних условий мышления и общая гносеологическая проблема выявления субъекта, субъективности в равной мере основана на диалектико-материалистическом принципе детерминизма. <...> Свобода индивида не может осуществляться иначе как в условиях жизни общества. Здесь встает проблема индивида как проблема соотношения единичного и общего в плане онтологии и логики и в плане этики и политики. Человек существует в соотношении с обществом, государством, человечеством [Там же, 87].

В своем анализе С.Л. Рубинштейн переходит от психологии мышления к проблемам более высокого уровня. Разворачивающаяся цепь нарастающих обобщений состоит из следующих проблемных звеньев.

- Методологический ход, ведущий не от философии к психологии (как это осуществляется чаще всего), а от психологии – к философии, что является иным способом соотношения философии с конкретными науками.
- Переинтерпретация понятия задачи в психологическом исследовании мышления, решающего задачу, в понятие, обозначающее иное качество – ситуацию, и одновременно сопоставление ее объяснений в психологии (гештальт-теория) и философии (экзистенциализм).

- Введение в стратегию философско-психологического исследования понятия *личности*, причем личности, решающей задачу или разрешающей ситуацию.
- Включение *личности* в контекст ее жизни, в которой она решает задачи и разрешает ситуации не только своим мышлением, но и своими *действиями*, изменяя их.
- Переход от *задачи* к *ситуации*, подводящий к *проблеме как проблемности жизни*, имплицитно предполагающей в человеке способность не только к мышлению (познанию), но и сознанию, поскольку именно оно обеспечивает *выход личности за свои пределы* и пределы жизни (ситуаций и обстоятельств) и включение ее в бесконечность бытия, что корреспондирует (но не коррелирует!) ее реальной *свободе*.
- Соотнесение условий и требований задачи получает объяснение через вводимый *принцип соотнесения имплицитного и эксплицитного* в мышлении и речи человека, решающего задачу, ситуацию, проблему.
- Указание на принципиальную общность *методики выявления* внутренних условий мышления с присущим субъекту *методом познания*.
- *Соотношение эксплицитного и имплицитного как методологический принцип*, раскрывающий общность психологии мышления и философского исследования *познания*.
- «Перевод» понятия *личность* в понятие *субъект познания* имплицитно опосредованный категорией *человек*: личность выступает как субъект мышления (познания), субъект познания – как один из способов отношения человека к миру.
- Обозначение *принципа детерминизма* (в работе «Бытие и сознание», введено при объяснении природы психического) как общей, *единой* по своей сущности *стратегии* определения и исследования в *психологии* мышления личности и в *гносеологии* познания субъекта.
- Постановка проблемы *Человек и Мир* и ее экспликация как включенности личности в общество с присущими последнему этическими, социальными и политическими отношениями; пролог к обоснованию места человека в мире.

Так раскрывается, обнаруживая себя в понятийных переходах-обобщениях, «спираль» мысли Сергея Леонидовича Рубинштейна, его способ соотнесения психологии (мышления) и философии, охватывающей своим объяснением познание, сознание, деятельность и место человека в мире.

Примечания

¹ Следует заметить, что Д.Б. Богоявленская, будучи последней студенткой С.Л. Рубинштейна, практически не имела тех лет общения с самим Сергеем Леонидовичем, которые так много дали другим его ученикам и «поставили» их исследовательское мышление: она не участвовала в официальных и неофициальных семинарах рубинштейновской школы, не общалась ни с А.В. Брушлинским, ни с К.А. Славской, то есть, строго говоря, *не училась* в школе самого С.Л. Рубинштейна, тем не менее *реально принадлежа к ней*.

² Эту формулу высоко оценивает В.Т. Кудрявцев, считая «искомое» определением самим субъектом смысла решения им задачи, и видит в этом пункте сходство концепции А.В. Брушлинского с концепцией О.К. Тихомирова [Кудрявцев 2020, 74, 77], ученых, тесно общавшихся друг с другом и объединенных «научной» дружбой при всех различиях концепций их учителей.

Источники – Primary Sources in Russian

Рубинштейн 1946 – *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Гос. уч. пед. изд-во Мин. проsv. РСФСР, 1946 (Rubinstein, Sergei L., *Fundamentals of General psychology*, in Russian).

Рубинштейн 1957 – *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Наука, 1957 (Rubinstein, Sergei L., *Being and consciousness*, in Russian).

Рубинштейн 1997 – *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. Изд. 2-е. М.: Наука, 1997 (Rubinstein, Sergei L., *Man and the world*, in Russian).

Ссылки– References in Russian

Богоявленская 2020 – *Богоявленская Д.Б.* О школе С.Л. Рубинштейна // К 130-летию юбилею С.Л. Рубинштейна. Материалы общемосковского методологического семинара / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Акрополь, 2020. С. 54–65.

Кудрявцев 2020 – *Кудрявцев В.Т.* С.Л. Рубинштейн: от самодетерминизма – к самодеятельности // К 130-летию юбилею С.Л. Рубинштейна. Материалы общемосковского методологического семинара / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Акрополь, 2020. С. 65–84.

References

Bogoyavlenskaya, Diana B. (2020) “About the school of S.L. Rubinstein”, Bogoyavlenskaya, Diana B., ed., *To the 130th anniversary of S.L. Rubinstein. Materials of the All-Moscow methodological seminar*, Akropol, Moscow, pp. 54–65 (in Russian).

Kudriavtsev, Vladimir T. (2020) “S.L. Rubinstein: from self-determinism to self-activity”, Bogoyavlenskaya, Diana B., ed., *To the 130th anniversary of S.L. Rubinstein. Materials of the All-Moscow methodological seminar*, Akropol, Moscow, pp. 65–84 (in Russian).

Сведения об авторе

АБУЛЬХАНОВА Ксения Александровна –
доктор философских наук, академик
Российской академии образования.

Author’s Information

ABULKHANOVA Ksenia A. –
DSc in Philosophy, Academician
of the Russian Academy of Education.